

В. Н. Сидорцов

**Социокультурные измерения истории:
проекты XX века**

При определении темы собственной статьи возник ряд предположений. В итоге выбор пал на данную статью, что было обусловлено необходимостью открыть сборник некой составляющей, которая определяет его основное содержание, концентрирует внимание историков на современных теории и методологии исторического исследования, базирующегося на исторических и историографических источниках, отражает, пусть и схематически, творческие интересы юбиляра.

Истории как науке, с ее концепциями и терминологией, источниками и методами, структурой анализа и армией исследователей и популяризаторов, примерно 100 лет. Ее истоки относятся к золотому веку, т. е. ко второй половине XIX в., а становление приходится на начало XX в.

На рубеже XIX—XX вв. «классическая» историография вошла в состояние «хаоса», когда было поколеблено представление истории как всеобъемлющей науки, дающей абсолютные и конечные знания. Следствием действия бифуркационного механизма, определившего собственный облик науки, стала французская школа «Анналов». Деятельность «анналистов» (и не только их, а и многих других мыслителей, в том числе В. О. Ключевского в России, предвосхитившего в ряде вопросов французских «анналистов», а в части определения цели работы над источником — получение «скрытой» информации, что созвучно с положениями современного источниковедения¹ О. Шпенглера в Германии, выступившего с идеей локальных культур, выражающих коллективную «душу» народа, и развенчавшего концепцию «европоцентризма»², А. Дж. Тойнби в Англии, открывшего более 20 (21) духовно связанных мировых цивилизаций³), означала методологизацию исторического мышления, формирование действительно социальной истории, создание глобальных объяснительных схем исторического процесса.

Пожалуй, в школе «Анналов» впервые наиболее ярко проявила себя социализация истории. Рассуждая по вопросу о том, что такое история, и критикуя мнение, что это наука о прошлом, один из основоположников анналистической школы Марк Блок подчеркивал, что исторический исследовательский интерес обуславливает появление «человеческого», т. е. сопряженность тех или иных явлений прошлого с человеческой деятельностью. Особенно сильно эта мысль выражена в его словах: «За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет увидеть людей. Кто этого не усвоил, тот, самое большое, может стать чернорабочим эрудиции. Настоящий же историк похож на сказочного людоеда. Где пахнет человечиною, там, он знает, его ждет добыча»⁴.

Но одного лишь указания на неперемное присутствие человека в исторических процессах и явлениях недостаточно: многие другие науки также ставят его в центр своего внимания. Чем же отличается подход историка к «человекомерным реалиям»? Тем, что человек и «человеческое» рассматриваются здесь в конкретной временной определенности.

Время для других наук совершенно независимо от происходящих в нем процессов, оно лишь однородная длительность, мера отсчета часовых отрезков. Историческое же время, наоборот, наполнено такими процессами, неразрывно связано с ними и представляет вместе единое целое. Когда мы, историки, говорим об Октябрьской революции с ее действиями масс и личностей, воспроизводится хронология событий 1917 г. и, наоборот, когда перед нами высвечивается 1917 г.,

в нашем воображении возникают «Штурм Зимнего» и другие события, непосредственно связанные с революцией.

Своим отношением ко времени историческая наука значительно отличается от других наук. «Историк ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени, — отмечал другой «анналист» Фернан Бродель. — Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника»⁵. Хорошо известно, что попытки выйти за пределы «временной определенности» непременно вызывают шквал критики оппонентов.

Более того, при внимательном рассмотрении исторического времени «анналисты» обнаружили и показали его глубокую эшелонированность, целый ансамбль времен, каждое из которых характеризуется собственным ритмом. За краткосрочным временем событий, обычно изучаемых историей, оказались пласты медленно и даже очень медленно текущего времени, а именно человек в его повседневной жизни. Она, повседневность, — это та почва, в которой коренятся все важнейшие проявления человеческой ак-

6

тивности и которая предстает наиболее глубинным измерением исторических процессов. Любое заметное историческое событие может произойти лишь на созревшей для этого почве. Всякое «деяние» вырастает из повседневной жизни и является скорее лишь шумным, эффектным выражением более глубоких, но ускользающих от поверхностного наблюдения тенденций. «Докопаться» до этой почвы — благородная задача историков-профессионалов.

Традиционная история получила значительное подкрепление со стороны «новой» исторической науки, базировавшейся на такой концепции — концепции длительной временной протяженности. В результате ее внедрения заметно повысился статус истории как науки, получившей более строгую фиксацию явлений, возросла ее гуманистическая сущность.

Если раньше историческая наука использовала категории, исключительно заимствованные из философии и других наук, то теперь она стала вырабатывать также собственные понятия, которые свидетельствовали о ее дальнейшей социализации. В ряду этих понятий, кроме уже рассмотренных выше («историческое время», или человек во времени, «повседневность», или человек в пространстве), — «историческая структура» и «тотальная история». Если первое понятие (структура) означает историческую реальность, устойчивую и лишь медленно изменяющуюся во времени (например, жизнь приморских районов, местоположение городов и путей сообщения, торговые связи, культурный взаимообмен), то второе (тотальность) — целостную картину общественной жизни в ее «горизонтальном срезе» (например, написанная Ф. Броделем история Европы за 400 лет с такими ее структурами, как историческая демография, история питания, жилища, одежды, техники, денежного хозяйства, процесс урбанизации и т. д.)⁶.

Социализация истории проявилась и в анализе собственных исследовательских действий, направленных не на внешний мир, а на человеческую деятельность по его освоению. Признано, что лишь рефлексивно воспроизводимые результаты этой деятельности могут быть объективно достоверными и на «законных» основаниях включены в содержание научного знания. Научная рефлексия позволяет установить эффективность применяемой исследователем методологии, адекватность используемых методов и технологий источниковой базе и поставленным задачам исследования.

Уже у французских историков школы «Анналов» на смену познания как отображения наличной истины вещей пришло научное исследование как проблема: ответы, получаемые ученым от объекта исследования, предопределяются характером поставленных им вопросов⁷. Конструктивное уча-

7

стие субъекта анализа в образовании научного знания связывает его с объектом исследования, создавая принципиальную особенность исторического познания (субъект/объект = субъект) и усиливая его социализированный характер.

Цивилизационный подход, фактически развитый «анналистами», явился альтернативой концепции всемирной истории, базировавшейся на трех основных положениях: 1) необратимости и целенаправленности исторических процессов, в корне противоположных порядку в природе; 2) сущностном единстве человеческой истории, просматриваемом за локальным и хронологическим

разнообразием; 3) высшей целесообразности исторического развития, его «заряженности» на прогресс, постоянное восхождение к более совершенным формам общественной жизни. В советской исторической науке, строго придерживавшейся марксистско-ленинской философии, эта концепция представлялась в виде последовательно сменявших одна другую общественно-экономических формаций (широко известной тогда «пятичленки»): первобытнообщинный строй, рабовладельческий, феодализм, капитализм и социализм как первая фаза коммунистической формации.

Об альтернативности цивилизационного подхода этим взглядам образно сказал О. Шпенглер: «Я называю эту привычную для западного европейца схему, согласно которой все высокие культуры совершают свои пути вокруг нас, как предполагаемого центра всего мирового процесса, Птолемеевой системой истории и противоплагаю ей в качестве Коперникового открытия в области истории... новую систему, согласно которой не только античность и Западная Европа, но также Индия, Китай, Вавилон, Египет, арабская культура и культура майев рассматриваются как проявление единой жизни, ни одна из которых не занимает преимущественного положения: все это отдельные миры становления, все они имеют одинаковое значение в общей картине истории, притом нередко превышая эллинство величиим духовной концепции и мощью подъема»⁸.

Социальная история, основанная на концепции длительной временной протяженности, получила развитие, прежде всего, как исследования по экономической и социальной истории — выявление и анализ материальных обстоятельств повседневной жизни людей (экономики, демографии, урбанизации, экологии и др.). Однако в тени оставался сам человек. И вот внимание историков стало перемещаться с повседневной жизни людей в ее материальных, объективных обстоятельствах (с экономических и социальных структур) на их повседневное поведение с определенной организацией сознания (на тот или иной тип человеческой личности). Акцент в историко-

графии был сделан на субъективном факторе. В научный обиход вошло понятие ментальности (менталитета) как особого набора самоочевидных «привычек мышления», фиксирующего инаковость культур. Человек во времени стал изучаться как извне (объективно-структурное представление социальной истории), так и изнутри (историческая антропология). Дополнение первого направления (уклона) вторым придало исторической науке известную цельность, во-первых, и значительно повысило ее гуманитарный статус, во-вторых. История стала социальной в объемном смысле этого слова.

Вместе с тем понятие цивилизации получило «законченный» вид: как в части отличия от доисторического времени, так и в смысле дифференциации цивилизаций во времени и пространстве.

Таким образом, большая часть XX в., главным образом его середина, характеризуемая в философии как эпоха модерна (структурализма), в исторической науке ознаменовалась переходом от описания «деяния героев» к созданию глобальных объяснительных схем, включающих самые различные стороны человеческой жизни, представленные как структуры. Социализации истории было положено обнадеживающее начало. Конечно, разрабатываемые схемы исторического процесса потребовали обращения к иным научным дисциплинам и прежде всего к антропологии. В середине XX в. в мировой исторической науке появились ее новые направления.

Примером могут служить такие «крайние» научные дисциплины, как психоистория и историческая информатика⁹. Их объединяет не только принадлежность к исторической науке, но и те критерии, которые позволяют говорить о них не просто как о направлениях, а более значимо — как о самостоятельных направлениях или дисциплинах. В числе критериев:

- «собственные» источники (заголовки статей, метафоры, легенды, анекдоты, архитектурные ансамбли и др. в психоистории; массовые статистические источники в исторической информатике);

- характерные понятия (в психоистории, например история детства, психобиографии, групповые фантазии и др., а в исторической информатике — «копьютерное» источниковедение, полнотекстовая база данных и др.);

- «свои» методы исследования (психоанализ, комплексный историко-психологический анализ, социально-психологический метод; количественные методы, контент-анализ, историко-компьютерное моделирование);

- коллективы исследователей, работающие главным образом в рамках данного направления.

И если терминология этих критериев еще напоминала источник заимствования, то ее содержательное наполнение уже исключительно историко-

предметное, социальное, а армия традиционных историков все чаще обращалась к этим дисциплинам, руководствуясь современной необходимостью междисциплинарного подхода.

Особое направление составила гендерная история. Вначале появилась женская история как реакция на бытовавшее испокон веков мужское представление исторического процесса. Накопленные знания в этой части позволили перейти на «сбалансированное» представление общественной жизни в рамках гендерной истории, на раскрытие соотношения между полами во всех сферах человеческой деятельности¹⁰.

Вектор социализации истории оказывался довольно пространным. Он расширялся в сторону поиска и использования нетрадиционных источников, сочетания традиционных методов с инновационными. Возможности такого расширения постепенно истощались, не давая ожидаемых результатов. Более того, происходившие изменения в мире, с одной стороны, процессы демократизации, социальные волнения, «сексуальная революция» в странах Запада, с другой — явления «оттепели», распад СССР и «бархатные» революции, социальная поляризация и проблемы гражданского общества в странах бывшего социалистического лагеря поставили под вопрос социальную значимость общественных наук, в том числе исторической. В отношении истории возникли проблемы как философского характера (соотношение понятий: прошлое / история, объект/субъект, событие/факт, нарратив/интерпретация, отражение/постижение и др.), так и историографического (объективность историка и его зависимость от идеологии, нужна ли «апология истории», что особенно актуально в Беларуси и др.).

Современная историческая наука оказалась в состоянии нового хаоса, порожденного не столько самими изменениями в обществе, сколько их совокупностью и несогласованностью с историко-философскими взглядами эпохи модерна. Состояние постмодерна, принесшее историографии сомнения в реальности исследовательского объекта и субъективности самого субъекта, повлекло поиски историками путей выхода из очередного кризиса.

В нынешнем состоянии историко-научного хаоса еще не преодолена та точка бифуркации, которая может стать фактором формирования облика исторической науки XXI в. Конечно, из вышеприведенных рассуждений такой точкой может стать изучение дискурса, способное открыть новую социокультурную историю. Социализация науки пойдет не только вширь, но и вглубь. Она затронет и само историческое мышление. И если 100 лет назад зашла речь о методологизации исторического мышления, то ныне происходит его «социализация». Об этом процессе можно судить по такому явле-

нию в современной историографии, как интеллектуальная история, черты которой раскрывает О. М. Шутова в своих последних статьях¹¹.

Что касается белорусской исторической науки, то имеются основания полагать, что она «успешно» выходит из состояния «хаоса». С позиции исторической синергетики смена циклов развития, включающих режимы «зарождения порядка» и «сохранения порядка», предполагает самовоспроизведение науки как структуры открытой нелинейной социальной системы Беларуси. Насколько обновленной выйдет эта структура на новый виток эволюции, будет зависеть как от того, какой флуктуации она подвергнется (сколько в ней обозначится точек бифуркации), находясь в состоянии хаоса, так и от того, какая энергия будет воздействовать на нее извне, со стороны всей системы.

Действительность показывает, что фактор социальной памяти системы (структуры) оказывается доминирующим в сравнении с фактором перемен. Белорусской исторической науке еще предстоит «массовый переход» от абстрактных «народа», «экономики», «политики», «войны (с ее «правильными» героями)» и т. д. к разнообразию укладов человеческой жизни в каждом из

этих элементов, к историческому познанию, базирующемуся на признании мультикультурной и многонаправленной истории. Нам всем нужна только правда и вся правда, которую не пересказать, но стремиться к этому мы обязаны всеми средствами — в науке и образовании, литературе и искусстве.

Осознание такой необходимости обусловило подбор в данном сборнике таких материалов, которые, с одной стороны, говорят о наших возможностях, а с другой — позволяют «питаться» энергией, поступающей извне в нашу провозглашенно открытую систему. Соответственно, наряду с инновационными материалами «моих» коллег по работе, в том числе представителей философии и социальных наук, в сборник включены любезно присланные статьи таких видных представителей современной мировой исторической науки, как Ф. Артог, К. Бартон, Р. Бинион, М. Дюкро, известных американских психоисториков и российских историков-информатиков. Позиции «демократической» историографии, критического исторического мышления, его утверждения как такового, начиная со школьной скамьи, неприемлемости в наше время «унитарной» исторической науки и «унитарного» исторического образования объединяют нас в большую и действенную армию историков.

Разделы сборника представляют передовые концепции исторического процесса и его отдельных сторон, новые эффективные методы анализа источникового материала, такие направления, получившие распространение в мировой историографии, как гендерная история, психоистория, историче-

ская информатика, заслуживающие определения специальных исторических дисциплин. Приведены примеры обработки и анализа как первичных, так и «вторичных» исторических источников.

Составители сборника питают надежду на то, что помещенные в нем материалы по заданной тематике вызовут интерес и пойдут на пользу и тем, кто пишет историю, и тем, кто освещает ею умы подрастающего поколения.

¹ См.: Ключевский В. О. Сочинения. Т. 9. М., 1990. С. 393.

² См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1—2. М., 1993—1998.

³ См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1990.

⁴ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 18.

⁵ Бродель Ф. История и общественные науки // Философия и методология истории. М., 1977. С. 134.

⁶ См.: Он же. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. Т. 1—3. М., 1986—1992.

⁷ Сидорцов В. Н. Актуальные методологические проблемы исследования истории // Гуманітарна-економічний вісник, 1998. № 1. С. 26.

⁸ Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. С. 7.

⁹ Одно время американские психоисторики в лице Дж. Атласа вообще отрицали профессиональную пригодность исторической информатики для историка (компьютер полезен лишь как «зубная щетка»). Возможно, это было связано с первоначальным пониманием искусственного интеллекта (создание робота, заменяющего человека). Уточнение его сущности (в смысле не замены человека, а облегчения его существования) сняло такое неприятие.

¹⁰ См.: Чикалова И. Р. Женская и гендерная история на постсоветском пространстве // Женщины в истории: возможность быть увиденными. Вып. 1. Минск, 2001. С. 5—18.

¹¹ См., например: Шутова О. М. XXI век: перспективы постмодерна // Гісторія: проблеми викладання. 2005. № 5. С. 11—18.